

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 336.7 + 330.837

JEL E02

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-17-97-111>**ДИЛЕММА ПРОВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ****А. И. Лученок**

a.luchenok@gmail.com

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

В настоящее время перед властями Китайской Народной Республики встала дилемма: или подстраиваться под монетарную политику, проводимую западными международными организациями, или продолжать поддержку развития реального сектора национальной экономики методами финансового стимулирования. Показано, что в первом случае КНР лучше впишется в мировую финансовую систему при одно-временном снижении темпов роста ВВП. При втором варианте, основанном на активной государственной поддержке реального сектора бюджетными и банковскими ресурсами, темпы экономического развития Китая ожидаются выше, но страна будет не полностью соответствовать стандартам западной финансовой системы. Это ограничит возможности реализации преимуществ от участия в международных финансовых операциях и будет сдерживать превращение юаня в мировую валюту.

Ключевые слова: государственная поддержка, Китай, монетарное регулирование, реальный сектор, финансовая политика.

Цитирование: Лученок, А. И. Дилемма проведения финансовой политики в Китайской Народной Республике / А. И. Лученок // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2023. – Вып. 17. – С. 97–111. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-17-97-111>

Введение. Китайская Народная Республика десятилетиями проводила политику финансового стимулирования развития реального сектора экономики, прежде всего, за счет бюджетных средств. И в настоящее время основные финансовые потоки в Китае по-прежнему идут через бюджет. В 2020 г. объем налогово-бюджетной поддержки составил в Китае в 7,1 % к ВВП¹. На 2022 г. для стимулирования развития китайской экономики выделено 35,5 трлн юаней (5,3 трлн долл. США). Из них бюджетные средства составляют 26,7 трлн юаней, что почти на 2 трлн юаней больше, чем в 2021 г.²

Народный банк Китая (People's Bank of China, PBC) (далее – НБК) вносит сильный вклад в денежное стимулирование развития национальной экономики. В отличие от Национального банка Республики Беларусь, он входит в состав правительства и поэтому ориентирован на поддержку производства. Для предотвращения лоббирования интересов коммерческих банков контроль за ними осуществляет не

¹ Китайская экономическая политика: на словах проводится «с упреждением» и «осторожно», но на деле – ужесточается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eulerhermes.com/ru_RU/latest-news/ehru_economicheskaya_politika_kitaia.html. – Дата доступа: 27.08.2022.

² China's Stimulus Tops \$5 Trillion as Covid Zero Hits Economy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-19/china-s-stimulus-tops-5-trillion-as-covid-zero-batters-economy>. – Date of access: 21.08.2022.

центробанк, а Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая (CBRC). Народный банк Китая стимулирует экономику в основном через регулирование ликвидности. Ресурсы китайского центрального банка используются в программах пере-кредитования, предоставляя кредиты коммерческим банкам. Средства центрального банка работают, прежде всего, на правительство и обычно предназначены для конкретных целей, таких как кредиты фермерам, малому бизнесу и проекты, которые помогают уменьшить бедность или помочь в борьбе с пандемией. Ссуды имеют более низкую процентную ставку, чем среднесрочные кредитные линии, предлагаемые НБК, и обычно доступны большему количеству банков¹.

Зарубежные исследователи отмечают, что основные элементы централизованного контроля в экономике Китая сохраняются и считать страну полностью рыночной нельзя. Основные китайские банки хотя внешне и коммерциализировались, но по-прежнему принадлежат государству, их высшее руководство, включая председателей и президентов, назначается правительством и компартией. Последующие деловые решения часто принимаются партийными комитетами, а не советами директоров. Банковское кредитование благоприятствует государственному сектору в широком смысле. Причем есть подозрения, что решения руководителей и менеджеров банка часто диктуются некоммерческими мотивами². В октябрьском (2022 г.) номере журнала «The Economist» отмечается, что «после трех десятилетий открытости и реформ при предыдущих лидерах Китай во многих отношениях стал более закрытым и авторитарным... Надзор расширился. Цензура ужесточилась. Партийные ячейки играют мускулами в частных фирмах. Сохранение партийной власти считается важнее любых других соображений»³.

Финансовое стимулирование под жестким государственным контролем помогает развитию национальной экономики, но не соответствует постулатам монетаристской теории, господствующим в западной финансовой системе. Эта теория обосновывает приоритет денежных отношений, под которые должны подстраиваться производители товаров и услуг. В результате страны, не следующие финансовым догмам международных финансовых организаций, испытывают сильное внешнее давление, ориентированное на достижение послушания. Это полностью относится и к Китайской Народной Республике. Хотя доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте достигла 18 %, а удельный вес этой страны в мировой торговле превысил 15 %, но доля юаня в глобальных резервах центральных банков составляет только 3 %. Западные финансовые организации считают фондовый рынок Китая одним из самых неразвитых в мире. В индексе, который ранжирует 165 стран по открытости счета операций с капиталом, Китай занимает 106-е место, соседствуя по списку с Мадагаскаром и Молдовой⁴.

Такая ситуация не устраивает китайских лидеров. Поэтому в 2022 г. властями страны провозглашена «Глобальная инициатива развития» («Global Development

¹ China's Central Bank Turns to Niche Policy Tool to Boost Growth [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-09/china-s-central-bank-turns-to-niche-policy-tool-to-boost-growth>. – Date of access: 11.08.2022.

² Eichengreen, B. Sequencing RMB internationalization [Electronic resource]. / B. Eichengreen // CIGI. – 2015. – № 69. – P. 1-5. – Mode of access: https://www.cigionline.org/sites/default/files/cigi_paper_no.69_web.pdf. – Date of access: 21.09.2022.

³ An obsession with control is making China weaker but more dangerous [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.economist.com/leaders/2022/10/13/an-obsession-with-control-is-making-china-weaker-but-more-dangerous>. – Date of access: 21.09.2022.

⁴ Sharma, R. Why China is not rising as a financial superpower [Electronic resource]. / R. Sharma // Financial Times. – 20 June 2022. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/68b48e96-ed0d-4620-8f89-4f3f5bb0c937>. – Date of access: 21.09.2022.

Initiative») направленная на повышение роли КНР в мировом сообществе¹. Поскольку к этой инициативе развитые западные государства относятся с большой настороженностью, то китайские представители пытаются доказать, что финансовые отношения в их стране построены на тех же принципах, что и в западных экономиках. А поскольку на западе доминирует монетаристская доктрина, то китайцы вынуждены делать вид, что они тоже последовательные монетаристы.

Указание внешне перестроиться на западный лад заставило китайских ученых «переобуваться в воздухе»: ведь теперь нужно убеждать внешних наблюдателей в ведущей роли банков в китайской экономике, а не государственных органов с их бюджетными средствами. В таких условиях молодой китайский исследователь Чжан Минцзюнь объявил, что «на основе традиционной классификации рассматриваются два типа финансовых систем: банковский (континентальный) (bank-based) и рыночный (англосаксонский) (market-based)»². При этом он признает, что некоторые авторы выделяют бюджетный тип финансовой системы, в котором ключевыми факторами экономического роста выступают механизмы перераспределения финансовых ресурсов через совокупность бюджетов и внебюджетных фондов государства. К странам с признаками финансовой системы бюджетного типа относят Беларусь, Китай, Россию, Швецию³. В Китае наличие бюджетных отношений он проигнорировал и, показывая себя истинным монетаристом, разработал модель финансовой системы Китая, в которой есть место для 1850 сельских коммерческих и поселковых банков, 140 иностранных коммерческих банков, 138 городских коммерческих банков, 12 акционерных коммерческих банков, 5 крупных коммерческих банков с контрольным пакетом акций государства и 3 политических банков. Кроме того, в модели есть система банковского надзора за банками, страховыми организациями, лизинговыми, брокерскими и трастовыми компаниями [1]. А вот бюджетная система в эту псевдомодель финансовой системы не включена.

Но нам представляется более обоснованной точка зрения российских ученых, считающих, что «финансовая система охватывает всю социально-экономическую систему государства и представляет собой совокупность финансовых сфер и звеньев (институтов): бюджеты бюджетной системы страны [федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, муниципальные (местные) бюджеты]; государственные внебюджетные целевые фонды; финансы хозяйствующих субъектов (организаций, объединений, союзов, экономических отраслей); финансы домашних хозяйств; финансовый рынок (финансово-кредитные организации и институты финансового рынка); страховой рынок (страховые организации и институты страхового рынка)» [2, с. 60; 3].

В результате китайская экономическая наука и практика находятся на распутье.

Результаты и их обсуждение. Оценив желание властей Китая хотя бы внешне следовать западным стандартам, международными финансовыми организациями была предпринята попытка навязать стране так называемую «политику финансового углубления», предполагающую введение свободного движения капитала на фондовом рынке, ограничение вмешательства государства в деятельность коммерческих банков, переход к ценам и процентной ставке на уровне рыночного равновесия. Предполагалось,

¹ A new challenge to the West. China's Global Development Initiative is not as innocent as it sounds [Electronic resource]. The Economist. – 11 June 2022. – P. 50–51. – Mode of access: <https://www.economist.com/china/2022/06/09/chinas-global-development-initiative-is-not-as-innocent-as-it-sounds>. – Date of access: 21.09.2022.

² Минцзюнь, Ч. Финансовая система Китайской Народной Республики: опыт реформирования и развития: дис. ... канд. экон.: 08.00.10 / Ч. Минцзюнь. – Мн.: 2021. – С. 16.

³ Там же. – С. 18.

что это обеспечит объективное отражение связи между потребностями в финансовых ресурсах и возможностью их удовлетворения.

Впервые эту политику апробировали в Африке, где представители Международного валютного фонда убеждали правительства африканских стран южнее Сахары, три года подряд обеспечивавших темпы экономического роста выше 5 %, что путем реформирования финансового сектора можно достигнуть еще лучших результатов, поскольку «прочный, емкий и эффективный финансовый сектор имеет особо важное значение для улучшения делового климата и создания условий, в которых частный сектор мог бы стать главным фактором экономического роста». Ведь финансовый сектор в трактовке МВФ «мобилизует и концентрирует сбережения, производит информацию об инвестиционных возможностях, с тем чтобы ресурсы могли направляться в наиболее эффективные сферы их применения, контролирует использование средств, облегчает оборот и диверсификацию рисков, и управление ими и упрощает обмен товарами и услугами». При этом авторы подчеркивали, что «в то время как интерес правительств к расширению доступа к финансам вполне обоснован, следует в целом избегать создания новых специализированных государственных учреждений» [4], то есть государству не нужно ужесточать контроль над финансовым рынком в трактовке МВФ.

Африканские и другие страны, согласившиеся на «финансовое углубление», были обязаны отказаться от государственного контроля процентной ставки, упразднить вмешательство властей в выдачу кредитов, приватизировать государственные коммерческие банки, разрешить зарубежным банкам активно работать на всех финансовых рынках страны. В ответ за правильное «монетаристское» поведение таким странам выдавались кредиты международных финансовых организаций.

Хотя предложенная стратегия несколько оживила денежные рынки и увеличила доходы банковско-кредитного сектора, она усложнила ситуацию в реальной экономике стран, ставших жертвой эксперимента МВФ. В 2020 г. директор-распорядитель МВФ К. Георгиева признала, что «на определенном уровне углубление финансового рынка сопряжено с усилением неравенства и менее инклюзивным ростом... Мы полагаем, что хотя на ранних этапах финансовое углубление приносит пользу малоимущим, с течением времени растущие масштабы и сложность финансового сектора приносят выгоду в первую очередь богатым. Это негативное влияние особенно заметно в странах с уже высоко развитыми финансовыми секторами. Здесь сложные финансовые инструменты, сильное влияние лоббистов и чрезмерное вознаграждение в банковской отрасли могут привести к созданию системы, которая преследует собственные интересы отнюдь не меньше, чем служит интересам других. За примерами далеко ходить не надо. США входят в число стран с наиболее диверсифицированной экономикой. Тем не менее, в 2006 году компании сектора финансовых услуг составляли почти 25 процентов в индексе S&P 500 и получали почти 40 процентов всей прибыли. Как следствие, финансовый сектор был самым крупным и прибыльным сектором во всем S&P»¹.

В конечном счете политика «финансового углубления» привела к росту спекуляций на фондовом рынке, переключению кредитования на более доходные краткосрочные операции, к проблемам в кредитовании серьезных инвестиционных проектов и, в конечном счете, к кризисным явлениям в экономике многих развивающихся стран. В Азии это закончилось азиатским финансовым кризисом 1997 г. От него не пострадал только Китай, отказавшийся реализовывать идеи «финансового углубления».

¹ Георгиева, К. Финансовый сектор в 2020-е годы: создание более всеобъемлющей системы в новом десятилетии [Электронный ресурс] / К. Георгиева. – Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/01/17/sp01172019-the-financial-sector-in-the-2020s>. – Дата доступа: 21.09.2022.

В сложившейся ситуации западным монетаристам стало ясно, что Китаю следует предлагать вариант, при котором не будет отрицаться необходимость участия государства в регулировании финансовой сферы. Поэтому специалисты, близкие к МВФ (Т. Хеллман, К. Мердок и Дж. Стиглиц), были вынуждены согласиться с фактом, что конкурентные рынки без государственного вмешательства не обязательно эффективны и могут возникать проблемы с мобилизацией депозитов, рациональным распределением денежных ресурсов и действенным банковским контролем. То есть было признано, что государство все-таки должно вмешиваться в функционирование финансовых рынков.

Но идеологи монетаризма не рекомендуют правительству напрямую воздействовать на финансовые рынки и тем более создавать государственный финансовый сектор. По мнению этих экспертов, правительство просто не способно эффективно осуществлять сложную финансовую политику, прежде всего, из-за ограниченной информации, которой оно владеет. В самом деле, какой банкир будет делиться конфиденциальной информацией о своих операциях? Значит, государственные чиновники априори лишь частично будут в курсе финансовых дел и поэтому они должны поступать очень осторожно, не принуждая частные банковские структуры, а только устанавливая для них не слишком стеснительные ограничения. Для этого предложено использовать так называемый «набор политик», в соответствии с которыми правительство откажется от вмешательства в распределение финансовых ресурсов, но будет участвовать в регулировании ставок депозитов и ограничивать доступ на рынок акторов с уже замеченными спекулятивными наклонностями. Главное – не обижать частные банки, а создавать у них позитивные стимулы! Тогда частные агенты будут обязательно делать только социально полезные действия! [5, р. 29–30].

Для соответствия монетаристским стандартам китайские власти были вынуждены усилить контроль за величиной денежной массы. Из рис. 1 видно, что со второго десятилетия двадцатого века прирост денежного агрегата M2 в Китае начал снижаться, что отразилось и на темпах роста ВВП.

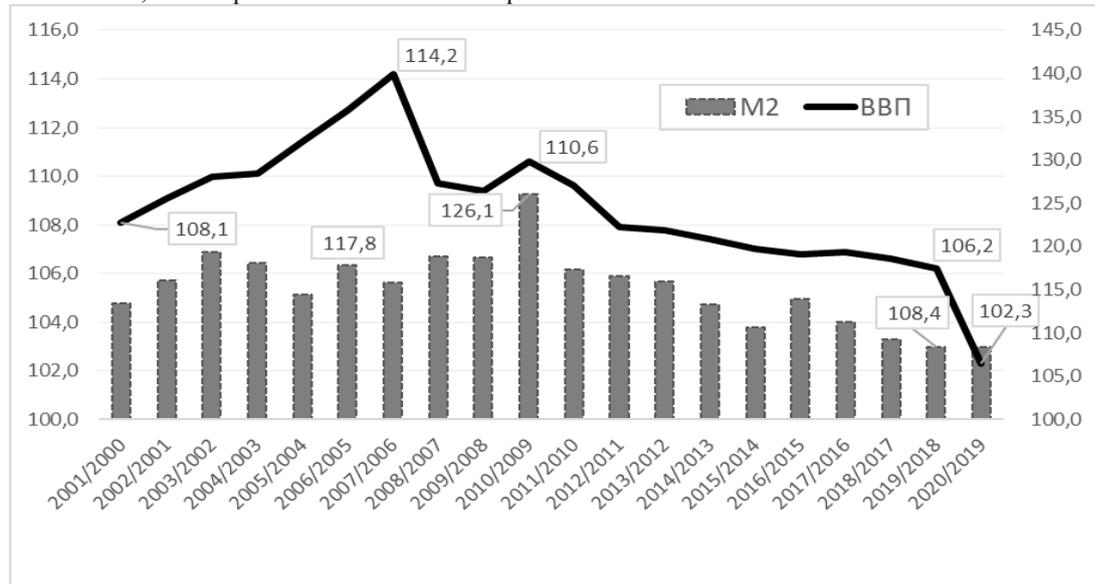

Рисунок 1 – Динамика изменения ВВП и денежного агрегата M2 в КНР в 2001–2020 гг. в процентах к предшествующему году¹

Источник: составлено автором на основе статистических данных²

¹ Снижение прироста ВВП Китая в 2020/19 г. до 2,3 % было обусловлено пандемией COVID-19.

² World Development Indicators [Electronic resource]. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/>. – Date of access: 21.08.2022.

В связи с этим перед китайскими властями встал вопрос о правомерности отказа от политики финансового стимулирования развития экономики, которая позволяла обеспечивать динамичное увеличение ВВП. Такая политика предполагает активное использование бюджетных инвестиций и банковских кредитов с установлением относительно низкой процентной ставки. При этом развитие фондового рынка сдерживается из-за запрета финансовых инструментов, которые не контролируются административными органами. По этой же причине фондовый рынок ценных бумаг слабо развит и в Республике Беларусь. Доходность банковского сектора ограничивается, поскольку монетарные посредники должны работать на всю национальную экономику, а не только на себя. Наличие жесткого контроля за денежным обращением не только в финансовом, но и в реальном секторе позволяет сдерживать темпы инфляции, не позволяя ей принимать форму скрытой инфляции.

Политика финансового стимулирования имеет ряд достоинств. Во-первых, она позволяет направлять средства пусть не в самые доходные, но социально важные виды деятельности. Во-вторых, ограничиваются спекулятивные наклонности банковских акторов, предпочитающих получать больший доход от спекуляций на международных финансовых рынках, чем вкладывать деньги на долгий срок в реальный сектор национальной экономики. В-третьих, такой подход базируется на жестком контроле за банками, которые вынуждены вести свою деятельность осмотрительно, минимизируя злоупотребления со стороны своего менеджмента.

Но для признания соответствия китайской банковской системы западным стандартам пришлось сделать шаги по либерализации ее деятельности, прежде всего, в сельском хозяйстве.

В Китае существовали серьезные проблемы с финансированием сельского хозяйства, поскольку, как в 30-е годы в СССР, развитие промышленности осуществлялось за счет других отраслей китайской экономики. Поэтому руководителям аграрного сектора приходилось искать альтернативные каналы привлечения финансовых средств. Для этого в сельском хозяйстве были законодательно разрешены кредитные кооперативы, которые находились под жестким контролем государственных органов. Забюрократизированность привела к стагнации таких организаций с последующей попыткой их реформирования. Сначала номинальным членам кредитных кооперативов позволили знакомиться с финансовыми результатами деятельности своих организаций, а затем демократизация достигла такой степени, что после тридцатипроцентного резервирования собранных с пайщиков депозитов им разрешили оставшуюся сумму давать в кредит по своему усмотрению, а не по указанию свыше. Этот шаг привел к тому, что в 1985 г. сельские кредитные кооперативы выдавали 76,8 % всех сельскохозяйственных ссуд. Они же выступали посредниками при выдаче кредитов, предоставляемых Сельскохозяйственным банком Китая [6, p. 159–160].

Но эти организации сами по себе принципиально изменить ситуацию не могли из-за своей относительной слабости. Поэтому Министерство сельского хозяйства негласно содействовало созданию сельских кооперативных фондов. Хотя Народный банк Китая официально их не признавал законными финансовыми учреждениями, он молчаливо разрешал привлекать с их помощью финансовые ресурсы в аграрный сектор. В 1990 г. сельские кооперативные фонды уже действовали в 38 % сельских населенных пунктов Китая. Эти фонды стали конкурировать с сельскими кредитными кооперативами и даже Сельскохозяйственным банком Китая. Динамичное развитие этих полузаконных организаций и их слабая подконтрольность чиновникам встревожила китайские власти, и в 90-х гг. их стали рассматривать как «злобно конкурирующие» с государственными банками, а руководителей таких структур начали арестовывать и даже расстреливать за «незаконную мобилизацию капитала» [6, p. 160].

Ситуация исправилась лишь в последние десятилетия, когда в аграрных районах Китая стали создаваться небольшие сельскохозяйственные банки с относительно небольшим уставным фондом. Если для создания национального коммерческого банка минимальная сумма уставного капитала составляет 1 млрд юаней, городского коммерческого банка – 100 млн юаней, то для сельского коммерческого банка – всего 50 млн юаней. При этом поддержка сельского хозяйства стала тесно увязываться со стимулированием общего развития аграрных регионов.

В отличие от стран, безусловно ориентированных на жесткие монетарные методы регулирования, китайские власти по-прежнему активно применяют кредитное стимулирование развития аграрного сектора экономики. В отчете о денежно-кредитной политике Китая за 1 квартал 2022 г. указано, что кредиты Центрального банка активно используются для поддержки развития сельских районов, малого и среднего бизнеса в них, предоставления местным финансовым учреждениям по расширению предложения кредитов для оживления сельских районов. Причем особенно подчеркнуто, что китайский Центробанк добросовестно выполнял решения по продвижению стратегии возрождения сельских районов по всем направлениям и постоянно совершенствовал финансовую поддержку возрождения сельских районов. В конце 2021 г. Центральный банк Китая объявил о снижении ставок по кредитам для сельскохозяйственного сектора и малых предприятий на 0,25 процентных пункта. После снижения процентные ставки по трехмесячным, шестимесячным и годичным кредитам на поддержку развития сельского хозяйства и малых предприятий составили 1,7 %, 1,9 % и 2 %. В результате на конец июня 2022 г. величина предоставляемых кредитов в национальной и иностранной валюте составила 47,1 трлн юаней (почти 7 трлн долл. США), что на 13,1 % больше по сравнению с соответствующим периодом 2021 г.¹ Такой уровень процентных ставок ясно показывает, что государственная политика монетарной рестрикции вполне эффективно действует.

Еще одним инструментом денежного стимулирования развития сельскохозяйственного сектора стало уменьшение норматива обязательных резервов по аграрным кредитам. Так, Национальный банк Китая с 25 апреля 2022 г. по кредитам для сельского хозяйства, сельских районов и фермеров снизил норматив обязательных резервов на 0,25 процентных пункта. Это высвободило для дополнительного кредитования около 530 млрд юаней для наращивания поддержки «сельского хозяйства, сельских районов и фермеров»².

Таким образом, после частичного учета рекомендаций по развитию финансовой системы по западному образцу в стране появились относительно небольшие негосударственные банки, которые по состоянию на начало 2022 г. владели целыми 16 % общего объема активов в коммерческой банковской системе. Причем около 87 % из более чем 1400 сельских коммерческих банков Китая находятся в частной собственности.

Но быстро выяснилось, что частные собственники оказались склонными не только к спекуляциям, но и просто к махинациям. По этому случаю в июльском (2022) номере журнала «The Economist» рассказана история о китайце Го Цзян из Пекина, положившим депозит 1 млн юаней (150 тыс. долл. США) в банк Yuzhou New People's Life Village Bank в провинции Хэнань. Ради выгодного процента он положил деньги в банк, находящийся почти в 700 км от столицы. Но депозит ему не вернули. Не смогли получить свои деньги еще 400 тыс. вкладчиков на общую сумму 40 млрд

¹ Народный банк Китая. Отчет о денежно-кредитной политике Китая за 1 квартал 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/4583781/4584048/index.html>. – Дата доступа: 18.08.2022.

² Кредитование в с/х секторе Китая продемонстрировало устойчивый рост [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0802/c31518-10129850.html>. – Дата доступа: 18.08.2021.

юаней. Сообщается, что застройщик, контролировавший 4 банка, исчез вместе с деньгами. После начавшихся массовых волнений официальные лица пообещали выплатить часть депозитов на сумму до 50 тыс. юаней¹. В результате даже небольшое послабление контроля за банками привело в Китае к серьезным социальным потрясениям.

Мы исходим из гипотезы, что политика финансового стимулирования позволяла поддерживать в КНР значительно более высокие темпы роста валового внутреннего продукта по сравнению с другими ведущими странами мира (рисунок 2). Иные объяснения высоких темпов китайского экономического роста в последние годы оказались несостоятельными.

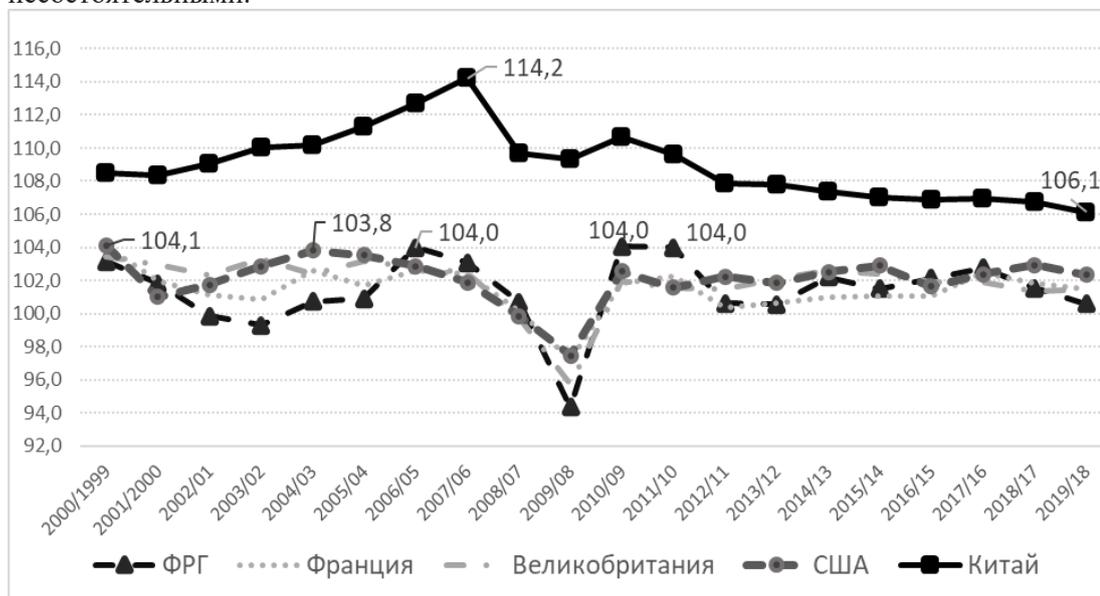

Рисунок 2 – Изменение валового внутреннего продукта к предшествующему году в постоянных ценах 2010 г. в млн долл. США, %

Источник: составлено автором на основе статистических данных²

Долгое время наиболее популярным объяснением опережающих темпов экономического развития Китая был тезис о том, что дешевая рабочая сила позволяла производить и экспортировать товары буквально за бесценок. Для этого Китаю пришлось осуществить впечатляющий кульбит – китайские коммунисты, подобно Г. Наваррскому, перешедшему в 1593 г. из протестантов в католики, вдруг объявили себя рыночниками. Если бывший лидер гугенотов в результате своего маневра получил трон Франции, то признание Китайской Народной Республики страной с рыночной экономикой позволило получить доступ на западные рынки, а также активно привлекать иностранные инвестиции. Между тем, экономика КНР по-прежнему остается преимущественно плановой, и рыночные методы применяются в стране лишь в той мере, в какой они позволяют выполнять директивные задания. Уже тогда китайские руководители поняли важность мимикрии своей экономики под западные стандарты, что позволяет получать крупные конкурентные преимущества.

Динамика валового внутреннего продукта по индексу покупательной способности показывает весьма бодрое развитие экономики Китайской Народной Республики

¹ A violent response to protests in China's Henan province [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.economist.com/china/2022/07/14/a-violent-response-to-protests-in-chinas-henan-province>. – Date of access: 18.08.2022.

² World Development Indicators. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/>. – Date of access: 21.08.2022.

даже по сравнению с Республикой Корея (табл. 1). Обе страны стартовали с примерно равным уровнем жизни населения. В частности, в 70-х гг. прошлого века в Южной Корее к беднякам относилось до 75 % населения, в том числе «сельские жители, фактически эксплуатируемые при помощи низких цен на сельскохозяйственную продукцию, и низкооплачиваемые рабочие в урбанизированных промышленных зонах, мигрировавшие с тяжелыми условиями труда и быта» [7]. В Китае ситуация еще более усугубилась из-за последствий «культурных революций» 1966–1976 гг. Но к настоящему времени средний уровень доходов в этих странах серьезно вырос, и они уже не могут повышать конкурентоспособность своих товаров за счет экономии на заработной плате.

Таблица – Динамика ВВП по индексу покупательной способности в 1990–2020 гг.

Страна	ВВП по ППС, млрд долл.		Рост (разы)
	1990 г.	2020 г.	
Китай	1114,6	24274,1	21,8
Республика Корея	358,1	2243,1	6,3
США	5963,1	20893,7	3,5
Россия	1187,9	4133,1	3,5
Великобритания	972,7	3082,0	3,2
Бразилия	997,8	3152,2	3,2
Франция	1025,5	3148,0	3,1
Германия	1542,3	4516,9	2,9
Италия	1054,6	2494,7	2,4
Греция	135,4	304,1	2,3
Япония	2416,5	5251,5	2,2

Источник: составлено автором на основе статистических данных¹.

В 2022 г. средняя зарплата городских жителей в Китае составила 97 379 юаней в год (15 360 долларов), или 8 115 юаней в месяц (1 280 долларов). При этом в Пекине у квалифицированных специалистов среднемесячная зарплата составила 11 521 юаней (1 815 долларов), в Шанхае – 10 967 юаней (1 730 долларов), в Шэньчжэне – 10 477 юаней (1 655 долларов). Наиболее высокая среднемесячная заработная плата была в сфере управления (21 769 юаней), в IT-сфере (18 630 юаней), а также у банкиров и инвестиционных брокеров (13 333 юаня). Причем зарплаты в Китае росли быстрее, чем в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и мира в целом. Только за последний год доходы местных работников увеличились на 9,1 %².

Страны мира борются за привлечение внешних иностранных инвестиций как одного из важных источников ускорения экономического развития. После исчерпания резерва повышения доходности за счет низкой заработной платы Китай на фоне других развитых стран по привлечению инвестиций стал выглядеть достаточно бледно. В 1990 г. чистый прирост прямых иностранных инвестиций в экономику Китая составил \$3,5 млрд, в то время как в США он был в 20,4 раза больше, а в Великобритании – в 11,9 раза больше. На рисунке 3 видно, что чистый приток прямых иностранных инвестиций в экономику США по ряду лет существенно превышал аналогичные вложе-

¹ World Development Indicators. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/>. – Date of access: 21.08.2022.

² Минимальная и средняя зарплата в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hochusvalit.com/kitaj/zarplata-v-kitae>. – Дата доступа: 24.08.2022.

ния в китайскую экономику. Например, в 2015 г. чистый приток иностранных инвестиций в США был в 2,1 раза больше, чем в Китай, в 2016 г. – в 2,7 раза.

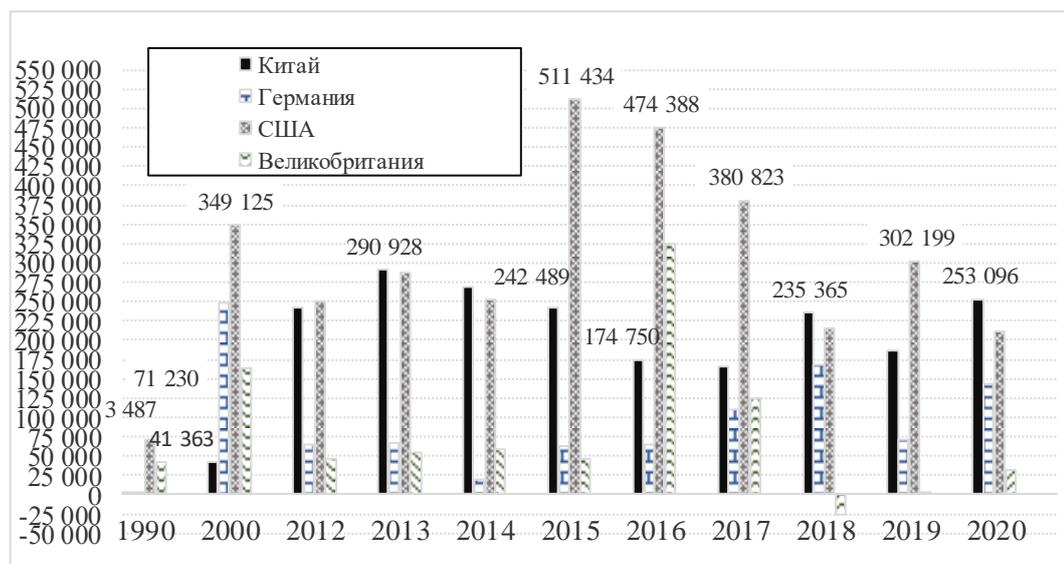

Рисунок 3 – Чистый приток прямых иностранных инвестиций экономически развитых стран за 1990–2020 гг., млн долл. США

Источник: составлено автором на основе статистических данных¹.

В Китае действуют серьезные ограничения на иностранные инвестиции в оборонную промышленность, в добычу полезных ископаемых и редкоземельных материалов, атомную энергетику, телекоммуникационную и информационную сферу. Кроме того, власти экономически развитых стран стали запрещать экспорт в Китай современных технологий. В частности, для предотвращения кражи технологий в августе 2022 г. в соответствии с законом «CHIPS and Science Act» США объявили, что технологическим фирмам, которые получают федеральное финансирование, запрещено строить передовые технологические объекты в Китае в течение десяти лет².

Следует также учесть, что за последние два десятилетия Китай стал крупнейшим кредитором развивающихся стран мира. Причем он не всегда стремится обеспечивать высокую доходность от предоставляемых кредитов и часто ориентируется на усиление своего политического влияния или получение в свое распоряжение территорий стран-должников. За 2008–2021 гг. Китай провел реструктуризацию 71 проблемного долга (больше, чем Парижский клуб). Некоторые страны, в том числе Венесуэла и Зимбабве, реструктурировали китайские кредиты пять и более раз³. В 2020 г. Китай объявил об инициативе по приостановке обслуживания долга, в соответствии с которой любой из его официальных двусторонних кредиторов получил возможность вре-

¹ World Development Indicators. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://databank.worldbank.org/>. – Date of access: 21.08.2022.

² Fact sheet: Chips and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter>. – Date of access: 21.09.2022.

³ Faced with an overseas debt crisis, will China change its ways? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.economist.com/china/2022/08/24/faced-with-an-overseas-debt-crisis-will-china-change-its-ways> – Date of access: 5.09.2022.

менно приостановить выплаты процентов и основной суммы долга. По данным исследователей Фуданьского университета в Шанхае, в 2020 г. 73 кредитора были должны Китаю 110 млрд долл. США – больше, чем все другие официальные двусторонние кредиторы вместе взятые. На эти выплаты Китаю восемь стран (Ангола, Лаос и др.) потратили бы минимум по 2 % от своего валового национального дохода. Но денег у заемщиков нет. Поэтому в конце 2020 г. власти КНР выступили с инициативой отложить погашение долгов на сумму не менее 2,1 млрд долл. США с условием предоставления Китаю соответствующих политических и экономических преференций.

Поскольку в современных условиях объяснения достаточно высоких темпов экономического развития Китайской Народной Республики низкими заработными платами и привлечением внешних инвестиций не кажутся убедительными, то группа авторов из Азиатского банка развития в статье под оптимистичным названием «Почему Китай преуспел – и почему он будет продолжать это делать» обосновала успех Китая способностью «осваивать и накапливать новые и более сложные возможности, отражающиеся в увеличении диверсификации и совершенствовании своей экспортной корзины». По мнению авторов, китайцы лучше других стран учитывают мировую конъюнктуру и в результате развиваются опережающими темпами. Для подтверждения этого тезиса ими построена социометрическая модель, которая якобы подтверждает этот факт [8]. Но проблема в том, что эконометрические модели могут подтвердить любой вывод простым манипулированием коэффициентами в формулах.

Некоторые западные экономисты убеждают мировое сообщество, что Китай в обозримой перспективе не сможет превзойти США в расчете ВВП на душу населения. Обосновывается это превышением численности населения КНР над США более чем в четыре раза. Пусть Китай обогнал США по общему размеру валового внутреннего продукта в расчете по паритету покупательной способности, но на одну китайскую душу населения этот ВВП составляет четверть от американского. Кроме того, подчеркивают авторы, ВВП Китая по-прежнему сильно отстает от американского при пересчете в доллары. В 2021 г. он составил всего 17,7 трлн долл. США по сравнению с 23 трлн долл. США в США. При этом особо их раздражает нежелание реформировать свои государственные предприятия по западному образцу и агрессивное регулирование правительством высокотехнологического сектора экономики и образования, что якобы ухудшает перспективы китайского роста¹. В общем, рано Китаю считать себя первой страной мира – считают экономисты США, игнорируя применяемую в КНР политику финансового стимулирования экономического роста.

Между тем, попытки финансового стимулирования применялись и в других странах. В частности, в Республике Беларусь в конце прошлого и начале этого века прирост ВВП в отдельные годы превышал 10 процентов (рис. 4).

Это обеспечивалось, в первую очередь, за счет проведения мягкой денежно-кредитной политики, позволяющей обеспечивать реальный сектор экономики достаточными денежно-кредитными ресурсами. Особенно в этом плане отличился заслуженный строитель Республики Беларусь П. П. Прокопович. После назначения на должность Председателя Национального банка Республики Беларусь он предпринял попытку увеличить кредитование реального сектора вообще и строительства в особенности.

¹ Will China's economy ever overtake America's? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2022/09/06/will-chinas-economy-ever-overtake-americas?> – Date of access: 20.08.2022.

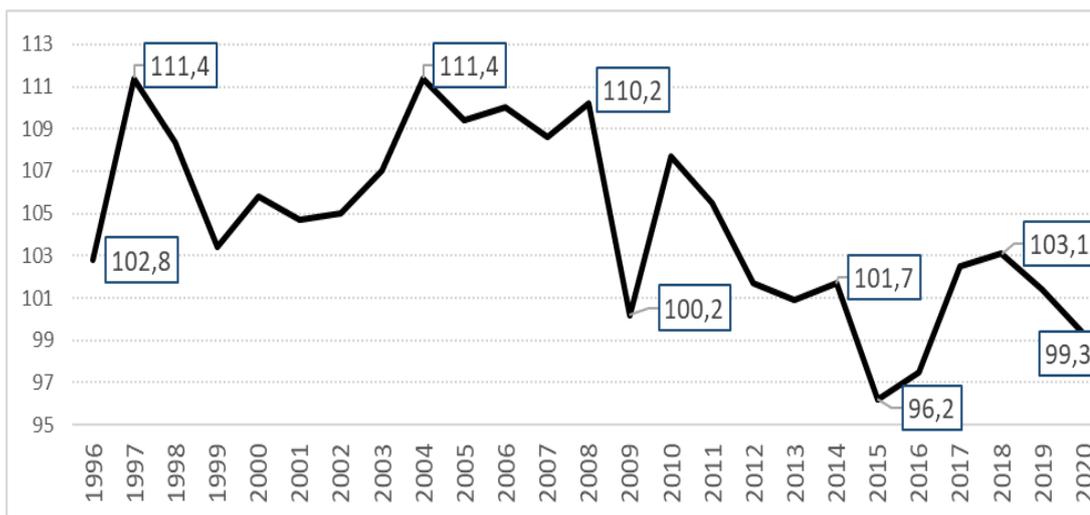

Рисунок 4 – Темпы роста ВВП Республики Беларусь в 1996–2020 гг. в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году

Источник: составлено автором на основе статистических данных¹

В 1999 г. рублевая денежная масса выросла в 2,9 раза (рис. 5), однако его заместители поправили председателя, убедив его ограничить денежное предложение. Это постепенно привело к снижению темпов экономического развития.

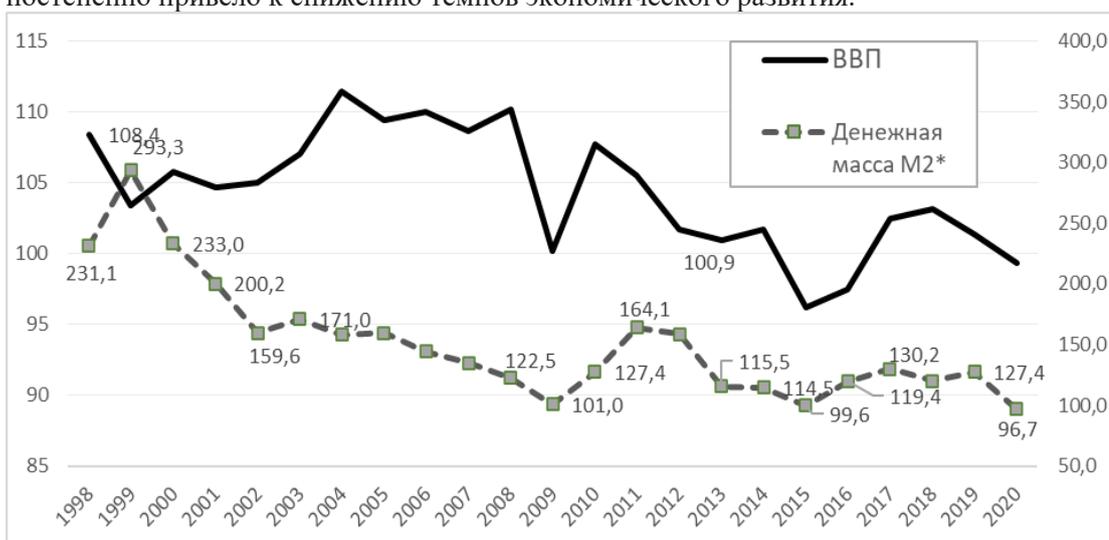

Рисунок 5 – Темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) и рублевой денежной массы M2* по отношению к предшествующему году в 1998–2020 гг.

Источники: составлено автором на основе статистических данных²

После того, как в 2009 г. валовой внутренний продукт вырос всего на 0,2 %, была предпринята очередная попытка стимулирования экономики предоставлением дополнительных кредитов. В результате рублевая денежная масса M2* приросла в 2010 г. на 27,4 %, в 2011 г. – на 64,1 %. Однако руководители предприятий реального сектора в условиях относительной самостоятельности в своей хозяйственной деятельности

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 24.08.2022.

² Там же.

активно переводили часть безналичных кредитных средств в наличные деньги. Делалось это четырьмя основными способами: во-первых, простым увеличением зарплат; во-вторых, по договорам подряда с оплатой в наличной форме; в-третьих, через оплату услуг индивидуальных предпринимателей; в-четвертых, через организации-однодневки, которые примерно за 10 % обналичивали перечисленные им деньги.

Напряженная деятельность по обналичке денежных средств скрадывалась тем обстоятельством, что наличная рублевая масса росла не слишком высокими темпами. В частности, за 2011 г. средняя величина наличных денег в обороте в белорусских рублях (М0) выросла всего на 49,3 %. Относительно благостная картина получалась в результате оперативного перевода белорусских наличных рублей в иностранные конвертируемые валюты. В тот период времени население не верило в устойчивость белорусского рубля, но доверяло банкам как депозитным учреждениям. Поэтому за тот же год валютные депозиты в белорусских банках выросли в 2 раза. При этом, несмотря на активную рекламу, рублевые депозиты выросли всего на 41,2 %. В результате недостаточный контроль за трансфером безналичных рублей в наличные привел к валютному кризису и девальвации белорусского рубля.

Сменившая П. П. Прокоповича на посту председателя Национального банка Республики Беларусь Н. А. Ермакова в 2011–2014 гг. старалась проводить умеренно жесткую денежно-кредитную политику, что вызвало недовольство у социальных макрогрупп реального сектора и обвинения в том, что именно Национальный банк тормозит экономическое развитие страны (ВВП в 2013 г. прирос всего на 0,9 %). Но лobbистская деятельность этих групп серьезных результатов не дала. После очередной смены руководства НБРБ выдача кредитов реальному сектору была еще более ужесточена, деньги все больше стали вращаться в монетарном секторе под бдительным контролем регулирующего органа.

Таким образом, в Республике Беларусь каждая из сторон действовала в соответствии со своими интересами. Социальные макрогруппы реального сектора экономики стремились обеспечить наращивание производства путем финансового стимулирования, а Национальный банк поддерживал монетарную устойчивость путем ограничения кредитования реального сектора. Причем Национальный банк со своих позиций был прав – в реальном секторе на отдельных предприятиях не научились эффективно использовать привлекаемые ссуды и не обеспечивали их эффективное использование, вкладывая их в неперспективные проекты, направляя на выплату заработной платы, а также частично обналичивая. Такие предприятия оказались чрезмерно закредитованными и отрицательно повлияли на темпы экономического развития страны.

На примере нашей страны видно, что проблемы финансового стимулирования реального сектора значительно усложняются при кредитовании неэффективных проектов и слабом контроле трансфера безналичных денег в наличные в реальном секторе экономики. В отличие от нашей страны, в Китайской Народной Республике организован жесткий контроль за использованием денежных ресурсов во всех сферах экономики, в том числе в реальном секторе. Именно поэтому финансовое стимулирование в этой стране является эффективным и обеспечивает относительно высокие темпы экономического развития. Власти КНР, на словах поддерживающие политику Всемирного банка, Международного валютного фонда и других международных организаций монетаристского толка, на деле в первую очередь заботятся об успешном развитии собственного реального сектора экономики, что вызывает определенные сомнения в возможности поставить экономику Китая под контроль западной финансовой системы.

Выводы. Китайская Народная Республика для обеспечения высоких темпов экономического развития в течение многих лет проводила политику финансового стимулирования развития реального сектора экономики. Прирост кредитования направлялся на модернизацию экономики и увеличение товарного выпуска, который жестко

балансировался с денежным предложением на потребительском сегменте рынка. В результате финансовое стимулирование экономики не приводило к ускорению темпов инфляции в Китае и, в отличие от Республики Беларусь, не провоцировало валютные кризисы.

В настоящее время перед властями Китайской Народной Республики стоит дилемма: или продолжать политику финансового стимулирования бюджетными и денежно-кредитными инструментами при сохранении низких темпов инфляции путем сохранения жесткого контроля за движением денег в реальном секторе, или осуществить переход на монетарные методы регулирования экономики в соответствии с западными стандартами для более активного включения Китая в мировую финансовую систему. При этом произойдет перестройка экономики под использование преимущественно денежных инструментов, усилится роль банковско-кредитной социальной макрогруппы в управлении страной при одновременном снижении темпов экономического развития.

Политика финансового стимулирования имеет ряд достоинств. Во-первых, она позволяет направлять средства пусть не в самые доходные, но в социально важные виды деятельности. Во-вторых, ограничиваются спекулятивные наклонности акторов монетарного рынка. В-третьих, доходность банковского сектора ограничивается, поскольку монетарные посредники вынуждены работать на всю национальную экономику, а не только на себя. В-четвертых, наличие жесткого контроля за обоснованностью использования инвестиционных денег позволяет сдерживать темпы инфляции за счет направления денег в реальные проекты.

Китайская практика ведения хозяйственной деятельности может быть адаптирована к нашим условиям только при серьезном совершенствовании финансовых отношений и усилении финансовой дисциплины в реальном секторе экономики, направлении кредитных денег преимущественно в инвестиции с ограничением возможностей перевода безналичных денег в наличную форму. В этом случае в Республике Беларусь будет возможно проведение политики финансового стимулирования экономического роста с обеспечением финансовой устойчивости всех секторов экономики.

Список использованных источников

1. Минцзюнь, Ч. Генезис развития финансовой системы КНР / Ч. Минцзюнь // Новая Экономика. – 2018. – № 2. – С. 123–131.
2. Воробьев, Ю. Н. Финансовая система: комплексный подход в контексте государственной финансовой политики / Ю. Н. Воробьев, Л. М. Борщ // Финансы: теория и практика. – 2018. – Т. 22, № 5. – С. 56–72.
3. Борщ, Л. М. Развитие финансовой системы Российской Федерации в условиях интеграции экономики / Л. М. Борщ // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 1. – С. 5–11.
4. Гульд, Э. Процесс углубления. Путем реформы финансового сектора Африка может добиться даже более высоких темпов экономического роста / Э. Гульд, К. Патилло // Финансы и развитие. – 2006. – №2. – С. 44–47.
5. Hellman, T. Financial Restraint: Toward a New Paradigm / T. Hellman, K. Murdoch, J. Stiglitz // The Role of Government in East Asian Economic Development / M. Aoki [et al.]. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 54 p.
6. Yasheng, H. How Did China Take Off? / H. Yasheng // The Journal of Economic Perspectives. – 2012. – Vol. 26, №. 4. – P. 147–170.
7. Иванов, Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 4. – С. 63–89.

8. Felipe, J. Why Has China Succeeded – And Why It Will Continue To Do / J. Felipe, U. Kumar, N. Usui, A. Abdon // Levy Economics Institute of Bard College. – 2010. – № 611 – 46 p.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2022 года

THE DILEMMA OF FINANCIAL POLICY IN CHINA

A. I. Luchenok

Doctor of Economics, Professor
Head of the Department of the Macroeconomic and Financial Policy
Institute of Economics of the NAS of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

At present, the authorities of the People's Republic of China are faced with a dilemma: either adjust monetary policy pursued by international organizations (IMF and World bank) or continue to support the development of the real sector of the economy using direct financial maintenance. It is shown that in the first case, the PRC will better fit into the global financial system paying for this with a decrease in GDP growth rates. Under the second option, based on active state support of the real sector with budgetary and banking resources, China's economic growth rates are expected to be higher, but the country will not fully meet the standards of the Western financial system. This will limit the ability to realize the benefits of participating in international financial transactions and will deter the transformation of the yuan into a world currency.

Key words: financial policy, China, monetary regulation, real sector, state support.

References

1. Mintszyun, Ch. (2018) Genesis of the development of the financial system of the People's Republic of China. *Novaya Ekonomika*. (2), 123-131. (In Russian).
2. Vorob'ev, Yu. N., Borshch, L. M. (2018) Financial system: an integrated approach in the context of state financial policy. *Finansy: teoriya i praktika*. 22 (5), 56-72. Available from: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-5-56-75> (In Russian).
3. Borshch, L. M. (2016) Development of the financial system of the Russian Federation in the context of economic integration. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii*. (1), 5-11. (In Russian).
4. Gul'd, E. H., Patillo, K. (2006) The process of deepening. By reforming the financial sector, Africa can achieve even higher rates of economic growth. *Finansy i razvitie*. (2), 44-47. (In Russian).
5. Hellman, T., Murdugh, K., Stiglitz, J. (1997) *Financial Restraint: Toward a New Paradigm. The Role of Government in East Asian Economic Development*. Oxford, Clarendon Press.
6. Yasheng, H. (2012) How Did China Take Off? *The Journal of Economic Perspectives*. 26 (4), 147-170.
7. Ivanov, D. V. (2012) In the footsteps of the "tiger": analysis of the trajectories of social change in South Korea. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 15 (4), 63-89. (In Russian).
8. Felipe, J., Kumar, U., Usui, N., Abdon, A. (2010) Why Has China Succeeded – And Why It Will Continue To Do. *Levy Economics Institute of Bard College*. (611), 46.